

Ирина Успенская

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Успенская

Практическая психология.
КОНТ

Фэнтези • Интриги • Приключения

Роман

Москва, 2015
 ЭРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У77

Серия основана в 2011 году
Выпуск 185

Художник
С. А. Григорьев

Успенская И.

У77 Практическая психология. Конт: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 376 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2091-9

Госпожа Вавилова не верила ни в ангелов, ни в чертей. Все пятьдесят лет своей жизни не верила. Зато они в нее верили, а может быть, им просто стало скучно. В итоге душа женщины отправилась в другой мир, где царит позднее Средневековье, где слова честь и верность еще что-то значат, где дружба и предательство идут рядом и где от решений одного зависит жизнь многих. С любой проблемой была готова справиться Виктория Викторовна, кроме одной. Ее душа попала в тело опального бастарда последнего короля, конта Алана Валлида, а этот конт тот еще подарок: и убивал, и насиловал, и грабил. Да и вообще мужчина, между прочим. Вот вы попробуйте просуществовать в мужском теле, обладая женской душой!.. Но зря те, кто подарил ей этот шанс, думают, что смогут контролировать эту неугомонную душу. Ха! Наивные!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ирина Успенская, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2091-9

*Горячие авторские благодарности:
Ольге Макарецвой — за самоотверженную вычитку
и любовь к картошке,
Александре Таран — за ночные бдения в поисках ком-
промиссов,
Татьяне Тутовой — за неизменную моральную под-
держку,
моей семье — за то, что не вмешивались.*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ — направление в психологической науке, изучающее на основе обобщенной теории индивидуальность, неповторимость человека в конкретных обстоятельствах его жизни, способы воздействия на него с целью оказания ему помощи и проявления возможностей.

С. Абрамова «Практическая психология»

ПРОЛОГ

Там встретились ангел-мздоимец и демон-хранитель...

ZZ

Они встретились под старым деревянным мостом, переброшенным через обмелевшую речушку без названия. Белокурый ангел в строгом черном костюме, похожий в своей скорби на служащего похоронного бюро, и босой кудрявый черт, одетый в майку-алкоголичку и узкие голубые джинсы.

— Ангел?

— Черт?

— Люди называют это косплей. Поиграем?

Некоторое время они оценивающе рассматривали друг друга, а затем словно нехотя обменялись легкими поклонами.

— На что играем? — Черт потряс стаканчиком для костей.

— Вавилова Виктория Викторовна, — скучающим голосом произнес ангел.

— На эту склочную бабу играть не буду! — Черт размашисто перекрестился и поплевал через левое плечо. — На сегодняшнем суде наше ведомство признало ее святой.

— А наше объявило, что для Небес она слишком грешна и ее место в Геенне Огненной, — сложив руки на груди, твердо заявил ангел.

Они несколько минут играли в гляделки. Первым не выдержал черт, он достал из кармана перочинный ножик и начал выцарапывать на деревянных опорах похабные словечки, старательно отворачиваясь от собеседника.

— Вась, ну что тебе стоит, а? Засунь ее куда-нибудь в пекло подальше, — с просящей улыбкой произнес ангел. — Мой шеф после разговора с ней три часа медитировал на водопад.

— А мой успокоительную настойку пил ведрами, — пробормотал черт Вася. — Не могу, Ксю, даже не проси! Я всего лишь куратор небольшого мирка, вот если бы...

Тут он замолчал и на секунду задумался, глядя на многозначительно кивающего ангела.

— Есть крепостная весчанка, которая вот-вот помрет от родильной горячки. Только твою протезе в ее теле через день на костре сожгут, и она вновь окажется у нас, но уже как мученица...

— Нет! — испуганно воскликнул Ксю. — Виктория Викторна не заслужила такого посмертия. Ее жизнь не отличалась праведностью, но она никогда не шла наперекор совести, — строго произнес ангел, пролистывая золоченые страницы небольшого блокнота.

— Но тогда остается всего одно подходящее тело, и оно мужское, — вкрадчиво сообщил черт, хитро поблескивая глазами цвета раскаленной лавы. А то, что это тело слегка потрепано, сообщать было совершенно необязательно.

— Она за двое суток успела построить наших стражей, заставить их маршировать и распевать «Катюшу»! Думаешь, не справишься с каким-то мужским телом? — И вообще, его это не касается, хоть в тело собаки, только бы избавиться от этой деятельной души. — Другие души, попадая в чистилище, пугаются, молятся, стараются вести себя вежливо и незаметно, а эта!.. Эта сунула свой несуществующий нос во все закутки нашего мира!

— А у нас она заставила босса подписать приказ о дополнительном ежемесячном выходном суккубам на основании того, что они женщины! — В голосе черта звучали искренние недоумение и обида.

— А у нас заявила, что мужчинам в жизни намного легче! — перебил его ангел.

— А у нас сказала, что если бы она была мужиком, то стала бы президентом и «во где бы вы все оказались!» — Черт сжал кулак и в запале потряс им перед отшатнувшимся ангелом.

— А у нас... Так по рукам? — с надеждой спросил тот.

— А если узнают? — прищурился черт.

— Вась! Ты меня сколько веков знаешь? Зуб даю! Ни одной живой душе! Ты мне веришь?

— Верю, Ксю, но документы на тебе!

— Заметано! Перенеси! Дадим ей в награду второй шанс, — пафосно заявил ангел. — Пусть попробует стать президентом.

Он кротко улыбнулся, потирая руки, в то время как черт сложным пассом что-то начертал в воздухе, плюнул, свистнул и замер, закрутив хвост спиралью.

— Эй! Не забудь сознание изменить на мужское и память о прошлой жизни убрать! — напомнил ангел, незаметно перебирая пальцами левой руки.

— Поздно, — хитро улыбнувшись, покаялся черт. — Я уже отправил.

— Специально?

— Сам понимаешь, положение обязывает. Делать пакости мне по статусу положено, — с довольной физиономией развел руками Вася. — Мы с тобой дети одного Отца, но благостность досталась лишь тебе. — Он в притворном смущении опустил глаза, чтобы скрыть смех.

— Об этом твоём некрасивом поступке совершенно не обязательно упоминать в отчете, — решительно кивнул ангел. — По нектару? Я угощаю. И наконец-то снимем эти оболочки!

Он обнял черта за плечи, и они испарились, оставив после себя запах серы и ночных фиалок.

Ни один из них не признался, что привязал к себе возрожденную душу связующей нитью бытия. Иметь своего адепта в новом мире мечтали оба.

ГЛАВА 1

Ступил тогда Создатель Ирий на поле пустынное,
и на том месте, где коснулся он земли,
выросла лоза благословенная. Зацвела она и дала плоды.
Возрадовались люди, рвали плоды и давили сок сладкий.
Увидел это брат его, Вадий Злокозненный, и плонул
в сок,
забродил сок, и получилось вино, умы дурмнящее
и веселящее сердца.

У Песнь Жития

...Пятьдесят лет. Это много или мало? Для именинницы — мало, а для ее годовалого внука — много. Цветы, поздравления, шумная компания, смех и тосты. Не сходящая с лица улыбка, танцы, караоке.

— Созвонимся!

А когда дверь закрывается и в квартире наступает оглушающая тишина, улыбка сходит с лица. Пятьдесят. Это немало. Тебе кажется, что можно еще все поменять, наверстать, отыграть, но ежедневные звонки сыновей и их заботливое: «Мама, как ты себя чувствуешь?» — каждый раз напоминают, что в глазах окружающих ты уже солидная женщина, перешагнувшая черту, за которой жизнь начинает стремительно догонять уходящее за горизонт солнце. Банально, но факт. И совершать безумные поступки уже не по статусу. Не солидно, как говорит твоя подруга Леночка...

Виктории Викторовне Вавиловой — россиянке, матери троих взрослых сыновей, активной, любознательной, ироничной и уверенной в себе — впервые в жизни снился цветной сон. Словно она сидела на лавочке в парке и одновременно находилась где-то еще. Вокруг ее тела сновали люди, верный пес, поскуливая, пытался запрыгнуть на колени, но его постоянно отгоняли две женщины в форменных куртках сотрудников «скорой», а дух Виктории Викторовны сидел на ветке старой липы и с любопытством следил за суетой внизу. Тривиальный сюжет, множество раз описанный в книгах и проигранный в кино постановках...

...Оказалось — не сон.

Бывает и так: живешь, учишься, работаешь, выходишь замуж, рождаешь детей, они вырастают, разъезжаются, заводят свои семьи, рожают тебе внуков, а ты все ждешь того момента, когда жизнь начнется. А жизнь имеет такое сволочное свойство — заканчиваться. И однажды, гуляя с собакой по осеннему парку, ты вдруг чувствуешь резкий укол в сердце, садишься на лавочку и тихо умираешь.

И вот тут начинается самое интересное. Оказывается, после смерти ты никому не нужна. Ни богу, ни дьяволу. Конечно, они же оба мужчины! Зачем им прислушиваться к советам какой-то тетки? Хотя у тетки за плечами служба, заслуженная пенсия, еще десять лет работы руководителем в одной частной организации и четверо выращенных мужиков — трое сыновей и муж. Но... мир принадлежит мужчинам, и загробный мир тоже. Скука, короче, смертная....

...Пятьдесят лет. Это много или мало? Алан Валлид по прозвищу Бешеный считал, что это много и что его папаша — конт Валлид — задержался на этом свете. Поэтому он и приказал своему верному слуге Берту приготовить ловушку. Простенькую и незатейливую. Ловчую яму с острыми кольями на дне. На большой поляне, где лесники заметили группу молодых оленей. О том, чтобы конт остался с сыном наедине, позаботился тот же Берт, уверенно направивший егерей в другую сторону. А так как все знали, что парень — доверенное лицо молодого хозяина, спорить с ним не осмелились. Слугу мучила совесть: старый хозяин хорошо относился к матери Берта, но послушаться господина он не посмел. Уж очень скор был на расправу виконт.

Алану оставалось лишь молиться коварному богу Вадию, благосклонно относящемуся к убийцам, чтобы конт, увлеченный погоней, не свернул на соседнюю просеку. Заодно свечу поставил и в честь светлого Ирия, сразу же прося прощения за неподобающий любящему сыну поступок. То ли Вадий в своем коварстве решил потрепать молодому мужчине нервы, то ли Ирий в тот день взял выходной, но все прошло не так гладко, как рассчитывал виконт. Старый конт получил тяжелые ранения, но выжил, пришлось Алану осторожно спускаться в яму, чтобы добить папашу коротким ударом в сердце. Но прежде чем он успел занести нож, раненый открыл глаза.

— А ты вырос, ублюдок, — через силу улыбнулся конт, — но проклятая кровь мозгов тебе не добавила. Берт! — сипло крик-

нул он. Над ямой появилось бледное лицо Берта. — Скажи Нанни, чтобы рассказала новому конту о его рожде... — Умирающий ухватился окровавленной ладонью за рукав сына, закашлялся и испустил дух, но виконт на всякий случай загнал узкий клинок между шейными позвонками. Рисковать он не собирался.

— Создатель милостивый, прими душу грешную, — обмахнулся щепотью Ирия Алан, когда слуга помог ему выбраться из ямы.

Виконт внимательно оглядел себя. Сапоги и рукава рубахи оказались безнадежно испачканы в лошадиной крови. Заводную кобылу было жалко, ее за огромные деньги специально купили у горцев, чтобы скрестить с волоканским жеребцом Алана, но животное, в отличие от живучего папаши виконта, умерло почти мгновенно, напоровшись горлом на острый кол. А ведь он предлагал отцу взять сегодня другого коня! Упрямый старикан! Даже сдохнув, умудрился нагадить!

— Прими душу, Создатель, — проговорил Берт, отвлекая мужчину от размышлений.

Алан пристально всмотрелся в лицо слуги, покручивая между пальцами длинный охотничий нож, больше смахивающий на кинжал. Берт застыл, понимая, что сейчас решается его судьба. Жить или умереть. Свидетели конту были не нужны. Он рухнул на колени, низко опустив голову.

— Кир Алан конт Валлид, примите мои соболезнования в связи с кончиной вашего отца. Я счастлив и дальше служить вам.

Алан довольно улыбнулся и вдруг резко, с замахом, ударил ногой коленопреклоненного слугу по лицу. Берт не попытался уклониться, хотя мог бы, но тогда господин взбесился бы еще больше, и только Вадий знает, чем бы это закончилось.

Новый конт Валлид славился бешеным темпераментом и непредсказуемым жестоким характером. Высокий, широкоплечий, со смуглой обветренной кожей, темно-серыми, почти черными глазами и такими же черными волосами, с прямым носом и резко очерченными скулами, он мог бы быть симпатичным, если бы не презрительный взгляд и постоянное высокомерное выражение недовольства на породистом лице. Будучи виконтом, он вызывал ужас у крестьян-весчан, живущих на территории конства. Безжалостный, эгоистичный, вспыльчивый — вот те эпитеты, которые сопровождали его имя. А еще он очень любил женщин и, хотя был женат, никогда не брал «подати девственности», а всегда использовал право первой

ночи. Сколько раз Берту приходилось выводить из замка заплаканных, а иногда и избитых весчанок, он даже не считал. А уж теперь, став полновластным хозяином этих земель...

Берт так и застыл на месте, не поднимая головы. Тяжелые капли крови падали на вытоптанную траву, но слуга боялся вспышки гнева господина и не рискнул зажать нос пальцами. Не впервые. Главное, чтобы перелома не было.

— Если проболтаешься, я заставлю тебя сожрать собственный язык. И не посмотрю на то, что мы сосали одну титьку. — Конт поставил ногу в стремя, собираясь сесть на лошадь.

В этот момент произошло несколько событий. Жеребец взвился на дыбы, молотя перед собой передними ногами, Алан не удержался и опрокинулся на спину, конь, по-собачьи взвизгнув, сделал огромный прыжок вперед и скрылся в чаще. Зарычал и попятился назад пятнистый тау, до сих пор мирно дремавший в тени деревьев. Из кустов вышел самый жуткий хищник здешних лесов — короткомордый ведмедь. Стремительный, агрессивный, злобный и упрямый, как сто мулов. Бешено поводя налитыми кровью глазами, он метнулся к поднимающемуся конту.

Алан выхватил нож и полоснул зверя по морде, пытаясь поразить глаза. Хищник проворно отскочил, и Берт заметил короткую стрелу, которая, как большая заноза, торчала из спины животного. Странная стрела — короткая, черная с красным оперением, никто на фронтире не пользовался такими. Вот и причина чрезмерной агрессии. Берт закричал, подхватил с земли сук и начал сильно колотить по дереву. Егеря говорили, что ведмедя можно отогнать громким звуком, заодно это и внимание других охотников привлечет. Тау с утробным рычанием закружил вокруг, но зверь обращал на него не более внимания, чем на назойливую пчелу, а когда тот прыгнул, стремительным движением когтистой лапы разорвал кобелю живот. Но это отвлекло зверюгу от человека, и конт смог подняться на ноги. Берт заметил, что кожаный доспех, без которого кир Алан не выходил из замка, с левой стороны разорван, и поддоспешник стремительно наливается кровью. Господин был ранен. Берт кричал и стучал, жалея о том, что слугам нельзя носить оружие, а его хозяин пытался отбиться от раненого ведмедя...

...Приснится же такой бред. Но как реалистично! И чем это так воняет? Виктория Викторовна сморщила нос, приплюхиваясь. Страх закрался в мозг незваным гостем и затаился на пе-

риферии сознания. Воняло псиной, мочой, грязным телом, кровью, рвотой и... ладаном? Нет, что-то другое, но очень похоже. Именно этот запах исключил нелепую мысль, что она в плену. Значит, больница. И, судя по ароматам, не из лучших.

Мысли скакали, словно резиновые мячики: разбегались, запрыгивали друг на друга, разлетались, и она никак не могла сосредоточиться на одной, самой главной — что произошло? Болела голова, нестерпимо жгло в левом боку. Виктория попыталась открыть глаза, но веки словно кто-то склеил. Ну что же, раз нельзя открыть глаза, значит, нужно попробовать открыть рот.

— Эй, кто-нибудь!

Изо рта вырвался сильный низкий голос. Ого! Это она так орала, что повредила голосовые связки? Даже когда болела ангиной, так не басыла. Что же случилось? Собраться и попытаться мыслить логически. Если она парализованная, то и говорить не должна. А раз разговаривает, значит, может шевелиться. Виктория Викторовна попыталась пошевелить рукой. Ура, у нее получилось! Она подняла руку, чтобы ощупать глаза, ладонь зацепилась за что-то колючее, скользнула по подбородку и щекам. Это что? Борода? Тактильные ощущения говорили, что это ее лицо, но разум не мог поверить в то, что это реальность. Паника начала потихоньку овладевать рассудком. Но Виктория Викторовна гнала ее от себя. Мало ли что с нею приключилось: может, болезнь, может, кормят гормонами. Не стоит сразу истерить!

Она осторожно дотронулась до шеи, коснулась рукой груди. Обнаженный торс. Волосатый! Плоский! Рука судорожно скользнула вниз и, если бы спазмы страха не сжали горло, не давая возможности крикнуть, Виктория Викторовна заорала бы громче, чем звонит корабельная рында! Она была мужчиной! Рука дернулась, словно обожженная, и безвольно упала. Сон? Но отчего так болит в боку и печет спину? И зуба верхнего нет, глазного... А у нее были все зубы.

Раздались голоса, стукнула дверь, по полу зацокали когти. На кровать запрыгнул кто-то большой и тяжелый, сильнее запахло псиной. Кожу обдало горячее дыхание, и шершавый язык, судя по ощущениям, величиной с лопух, обслюнявил лицо. Сердце предательски запрыгало между ребрами, пытаясь вырваться и сбежать в пятки.

— Ату, Кусь! Ату!

Приятный мужской баритон. Собака еще раз лизнула полюбморочную женщину и тяжело спрыгнула на пол.

— Кир Алан, жак си сатите? Иц ту Берг.

— Ничего не понимаю, — прохрипела Виктория низким голосом. Ни одного знакомого слова. Такого языка она никогда не слышала, поняла лишь, что имя говорившего Берг.

— Кусь, атарчи!

Мужчина что-то быстро говорил приглушенным голосом, затем послышались глухой удар и звон разлетающихся черепков.

— Кир Алан, жак си сатите? — Испуганный голос незнакомца раздался совсем близко.

— Ни черта не понимаю, — повторила с тоской Виктория. — Воды. Дай воды умыться.

Мужчина вновь бегло заговорил, и она услышала в его голосе панику. Да что он там возится? Виктории просто необходимо было увидеть, где она находится, и понять, что ее окружает — реальность это или галлюцинация? А быть может, ее накачали наркотиками и все это просто плоды воображения затуманенного мозга?

Гость чем-то гремел, продолжая говорить. Виктория внимательно прислушивалась, старательно запоминая незнакомые слова. Раздался звук льющейся воды, и лицо промокнули холодной мокрой тряпкой. Особое внимание незнакомец уделил глазам. Наконец-то она смогла их раскрыть и тут же зажмурилась. Мама дорогая! Лучше бы не раскрывала. Значит, это был не сон. Ну, погодите у меня! Она ведь еще вернется, и тогда... тогда вашему загробному миру мало не покажется!

Вот это влипла! Виктория осторожно приоткрыла один глаз, затем второй. Взгляд сразу уткнулся в высоченный сводчатый потолок, явно сделанный не из гипсокартона, его поддерживали четыре колонны, у одной стены расположился большой закопченный камин, в который при желании можно было засунуть поросенка. Тусклый свет проходил сквозь два узких высоких окна. Вместо прозрачного стекла — цветной витраж. Красиво, но света маловато. Одно окно было раскрыто, и она увидела синее-синее небо без единого облака. В поле зрения попал громоздкий стол, заставленный тарелками с остатками еды, кубками и глиняными кувшинами. В углу на трехногом табурете неровной стопкой лежали листы желтоватой бумаги, придавленные большим кувшином. Посуда, похоже, была медная и серебряная. Над столом вились мухи. Полная антисанитария. На том кусочке пола, который оказался доступен ее взгляду, рассыпана солома. А в ней, наверное, мыши и насекомые. Мрак! Это какой же век?

— Кир Алан!

Виктория перевела взгляд на стены, сложенные из серого обработанного камня. Напротив кровати висела изумительно выполненная вышивка, украшенная бисером. Двое мужчин, похожих между собой, как могут быть похожи лишь братья-близнецы, стояли спина к спине, держа в руках опущенные вниз мечи. Только вот выражения лиц у них были разные. Один смотрел внимательно и строго, словно знал, какие неприличные слова вертятся в голове у лежащей на кровати женщины, и осуждал ее за это. А второй просто весело скалился, его радужки были вышиты черным, поэтому казалось, что на лице мужчины вместо глаз два бездонных тоннеля. Вышивальщица обладала незаурядным талантом и сумела передать при помощи ниток и бисера совершенно разные характеры. Обрамляла вышивку виноградная лоза. Интересно, кто это?

— Кир Алан!

Виктория медленно повернула голову. Вот и первый абориген. Судя по всему — это и есть Берт. Светловолосый парень. Симпатичный, но какой-то взъерошенный. Не старше двадцати двух лет. Грязная серая льняная рубаша, подпоясанная бело-синим тканым поясом, такие же серые штаны, широкие и бесформенные. Он стоял возле кровати и смотрел, как ей показалось, с плохо скрываемым злорадством. Раздался стук, и рядом кто-то громко засопел. Японский городской! Это что, местная собачка? Огромный пятнистый зверь с длинной пастью, полной острых зубов, и с торчащими на загривке острыми иглами мало походил на домашнего питомца. Зверюга сидела на полу, а ее голова возвышалась над кроватью на полметра. «Адская гончая» преданно смотрела на Викторию желтыми круглыми глазами. Толстый хвост, напоминающий полено, которым милый «песик» радостно барабанил по полу, издавал равномерный глухой стук.

— Кир Алан! — Блондин наклонился, и женщина почувствовала резкий запах лука.

— Привет, — попыталась улыбнуться Виктория. Был у нее в прошлой жизни такой небольшой пунтик — она не выносила, когда кто-то дышал ей в лицо. Сразу начинала задыхаться, словно у нее воровали воздух. Вот и сейчас Виктория подняла руку и отпихнула от себя склонившегося к ней парня.

— Арста, конт. Тас киндо взвар, — забубнил Берт, одной рукой приподнимая ей голову, а второй прижимая к губам чашку с отваром.

Виктория принюхалась. Травяной сбор. В горле пересохло, и она с удовольствием выпила горькую жидкость. Парень довольно улыбнулся, промокнул ей губы мокрой тряпкой, а затем, говоря что-то, скинул одеяло и помог повернуться на бок. Осторожно смазал раны на боку и спине зеленой мазью, пахнущей болотом, прикрыл их чистыми белыми тряпками. Судя по тому, как подрагивали его руки, Берт боялся причинить боль, но Виктория спокойно дала обработать раны, только несколько раз процедила сквозь зубы неприличные слова, когда слуга слишком сильно надавил на рану в боку.

То, что он сделал дальше, вызвало у Виктории шок и едва не привело к полноценной истерике. Берт что-то тихо проговорил, привычным жестом протянул руку и застыл на месте, увидев ошалелый взгляд.

— Ты куда руки тянешь! — Она едва не рычала от возмущения. Мало того что заперли в мужском теле, так еще всякие извращения пытаются облапать!

— Пис, пис, — пролепетал парень, показывая на пол.

— Что? На пол? А горшки здесь еще не изобрели? — заорала Виктория, наконец-то поняв, чего от нее хотят.

Парень испуганно упал на колени и склонил голову.

Черт! Да что же это такое?! Лежать нагишом перед незнакомым мужчиной было неприятно и холодно. Она попыталась успокоиться. Глубокое дыхание и медленный счет до десяти помогли справиться с дрожью в руках и желанием что-нибудь разбить. Нужно срочно выздороветь и изучать местный язык. То, что она здесь не простой человек, Виктория поняла сразу, увидев, с каким почтением к ней обращается слуга. Но очень хотелось бы знать, насколько непростой?

— Берт! — позвала она. Парень подполз ближе, она ткнула рукой в большой глиняный горшок, который стоял на столе, и вопросительно посмотрела в глаза слуги.

Слава богу, тот оказался не идиотом. После нескольких минут пантомимы и рычания он наконец-то догадался, что от него требуется. Но, прежде чем отдать горшок хозяину, который сегодня почему-то наотрез отказался от его помощи, громко и четко произнес название предмета.

— Джбан, — старательно повторила Виктория несколько раз подряд. На память она никогда не жаловалась и надеялась, что вместе с душой это тело получило и ее мозги.

Дальше стало легче. Берт, тщательно проговаривая, называл каждый предмет в комнате, а она повторяла. Некоторые

слова сразу произносила правильно, а некоторые переспрашивала и старательно повторяла по много раз. А затем ткнула пальцем в пачку бумаг, давая понять, что собирается не только учить речь заново, но и учиться писать. Судя по удивлению, проскользнувшему на лице слуги, для него это было странно и неожиданно. Похоже, реципиент никогда не стремился к знаниям. Может быть, он считал, что искусство мечника более важно, чем искусство писателя? Пока Берт чинил перо и ходил за плошкой с чернилами, Виктория провела ревизию организма. Множество синяков, поджившая рана на затылке, вывих ноги, несколько неглубоких ран на спине и нехорошая болезненная рана на боку. Рассмотреть ее она не смогла, было тяжело сгибаться — судя по всему, ребрам тоже досталось. Интересно, кто это так обработал нехилого в общем-то мужчину?

Вернулся Берт в сопровождении двух парней, одетых в такие же, как у него, замызганные серые холщовые штаны и рубахи. Только поясов у них не было. Они принесли несколько дополнительных подушек и устроили с их помощью вполне сносное кресло. Следом еще один мужчина — русобородый и могучий — притащил маленький столик, который удобно поставить на кровати. Он что-то спросил, но Виктория его не поняла. Богатырь только головой покачал.

Виктория с энтузиазмом принялась за изучение языка. Ей просто необходимо было занять мозг, чтобы не свихнуться. Язык оказался на удивление легким, очень похожим на чешский, который она неплохо знала. К вечеру женщина уже могла назвать все предметы в комнате. Узнала, что местная «собачка» называется «тау» и что сука, которая лежит у ее кровати, носит гордую кличку Кусь. Еще она выяснила, что ее имя Алан Валлид и что она — точнее он — конт. Конт — это тот же граф. Неплохо, неплохо. Берт оказался Альбертом, он был молочным братом ее реципиента. Это удалось выяснить не столько при помощи слов, сколько при помощи долгого махания руками, имитации детского плача и подсунутых под рубашку на груди тряпок.

Берт несколько раз пытался ее накормить, но Виктория только нетерпеливо отмахивалась и пила травяной отвар, отказываясь от еды. К вечеру слуга заметно устал, и она с сожалением решила остановиться. Жестами приказала навести в комнате порядок, что тоже вызвало удивление. Но Берт не посмел ослушаться. Те же молчаливые мужчины, что приносили подушки, заменили в железном подсвечнике свечи, смели ста-

рую солому и застелили новую, убрали со стола и внесли в комнату два деревянных стула с высокими спинками.

Виктория сразу заметила перемену в настроении слуги. Парень засуетился, как только принесли стулья. Он что-то неразборчиво прошептал с виноватым лицом, убирая столик с кровати и быстро пряча исписанные бумаги в стол. Затем раскидал подушки и уложил хозяина, накрыв его одеялом до подбородка.

— Берг, кто идти? — спросила она у слуги.

— Манжелика и ксен. — Парень указал пальцем на правую руку конта.

Виктория поднесла к лицу ладонь и только сейчас обратила внимание на толстое золотое кольцо, виноградной лозой обвивающее средний палец. Обручальное? Жена? У нее есть жена? Виктория Викторовна едва не задохнулась от возмущения. Она открыла рот, чтобы выдать все, что думает о тех, кто ее так осчастливил, но не успела. Дверь открылась, и в комнату величаво зашел худой мужчина в серой сутане, но не на него с ужасом смотрел конт Валлид. Следом за ним в дверь вплыло бледно-голубое облако с темно-русой косой. Розовые губы растянулись в скорбной улыбке, от этого щеки стали казаться еще больше. Дама поднесла к узким щелкам заплывших жиром глазок платочек и всхлипнула, отчего оба ее подбородка затряслись.

— Ах, Алан... — проронила она приятным голосом.

Виктория судорожно вздохнула и потеряла сознание.

ГЛАВА 2

У великого духа Неба родились два сына.

И назвал он их Ирий и Вадий.

Оба были статны и красивы.

Любили они друг друга

несмотря на то, что всегда соперничали,

и тогда Отец Небо создал для них мир.

«Владейте»,— сказал он им.

1 Песнь Жития

На замковой кухне царила предутренняя суета. Старшая кухарка зычным голосом, которому завидовал даже Рэй Молчун, капитан стражи, раздавала приказы. Двое рослых рабов тягали воду от колодца, еще двое носили дрова и складывали их у большой печи, не успевшей остыть с вечера. Там, за за-

слонкой, в глиняном горлаче томилось молоко. Госпожа кон-тесса любила утром, сразу после сна, выпить чашечку теплого напитка со свежими булочками. Опару кухарка поставила еще с ночи и теперь ожесточенно вымешивала тесто, словно оно было виновно во всех ее бедах. При этом она не переставала следить за тремя своими помощницами, чтобы не болтали по-пусту, а делом занимались. Скоро рассветет, рабы отправятся в поле, а перед этим их надо накормить да с собой дать «на перекус», а там и воины придут завтракать. В замке жило много на-роду, и есть хотели все.

В кухню, смачно зевая, вошел Берт, на ходу подпоясывая рубаху. Он уселся за стол напротив кухарки и, протянув руку, отщипил кусочек теста от кругляша, который женщина как раз опускала в большую глиняную миску.

— Как был дитем, так дитем и остался, — вздохнула кухар-ка, ставя миску на теплый припечной залавок и покрывая ее чистым холстом.

— Тетка Райка, кур скока сѣдня бить? — спросил заглянув-ший в кухню мальчонка.

— Двух цыплят трехнедельных господину на бульон да пя-ток взрослых, — прикинула кухарка, вытирая руки о передник, и повернулась к Берту. — Снедать будешь?

Парень кивнул. Райка поставила перед ним тарелку вче-рашней пшенной каши, а сама уселась напротив, подперев го-лову рукой.

— Красавчик, может тебе молочка свежего плеснуть? С ве-черней дойки, — подлетела к столу круглолицая молодка со жбаном в руках.

Берт тотчас подставил кружку под тягучую, густую струю, кухарка только головой покачала. Все сливки слила, негодни-ца, да только зря. Берт на сеновал-то с тобой сходит, а вот же-ниться его сам Вадий не заставит. Если только господин при-кажет. Дурные девки, очевидного не видят. Сколько глупых ни гоняй, а им словно намазано!

— Ну, рассказывай. Что там конт? Может, пора и по нему готовить поминальный пир? — с легкой надеждой в голосе по-интересовалась она.

— Вчера пришел в себя, — хмуро сообщил Берт, помешивая деревянной ложкой кашу, в которую щедро плеснул молока. — Все были уверены, что не встанет. Ксен даже красные свечи приготовил, что после погребения старого господина остались.

Кухарки переглянулись и разочарованно вздохнули.

— Жалко старого конта. Неплохой господин был. — Райка осенила себя щепотью Ирия. — Ежели конт Алан помрет, кто хозяином будет?

— Госпожа Храму все отпишет, вот посмотрите, — прошептала одна из женщин. — Она на нашего ксена как на Ирия смотрит. Как господин этого не замечает?

— А может, и замечает, да не вмешивается, — заговорщицки подмигнула та молодка, что налила Берту молока. — Господин наш мужчина видный да силой не обделен, но, говорят, к госпоже только в сильном подпитии ходит.

— Ты не болтай глупостей! — прикрикнула на нее Райка. — Не наше это дело. Берт, расскажи про кира Алана.

— Речь забыл, вообще забыл, — поделился новостями Берт. — Говорить заново учиться. Лекарка сказала, что такое бывает, когда кровь дурная в голову ударяет. Как очнулся — долго смотрел по сторонам, словно соображал, где находится. А как жену свою увидел, так сознание и потерял.

— Небось от счастья, — хихикнула одна из кухарок, озорно блеснув глазами. — А ксен что говорит? Не вселился ли в нашего господина дух анчуты? — И она осенила себя щепотью Вадия. Солнце только-только начало подниматься из-за моря, а значит, темный мог еще и нашкодить. В тесто плюнуть али молоко закислить. Лучше и его умаслить. — Неужто ксен ничего не сказал?

— Кусь признала хозяина, — коротко сообщил Берт. Кухарки понятно кивнули, тау чуяли человека, и, если он становился одержимым, всегда могли распознать. — Господин от еды вчера отказался. Вы бы сегодня приготовили его любимое. Станный он какой-то, как бы беды не было, — пробормотал Берт, и они с Райкой многозначительно переглянулись.

Виктория в это время тоже не спала. Она пыталась справиться с начинающейся депрессией, зная: стоит поддаться хандре и остановиться будет сложно. Лучший способ борьбы с угнетенным состоянием — это злость. Но разозлиться никак не получалось. А вот выть хотелось, и поводов для этого было предостаточно. Во-первых, она почувствовала всю прелесть утренней эрекции, что вызвало у нее когнитивный диссонанс. Сходить в туалет получилось с большим трудом и, что самое ужасное, — она совершенно не знала, что с этим делать! Да и делать ничего не хотелось! Ей было противно дотрагиваться

до себя, новое тело вызывало отвращение. А ведь с ним придется жить долгие годы!

Конт Валлид закрипел зубами и со злостью стукнул кулаками по кровати. Как можно с этим смириться?

Во-вторых, хотелось в туалет по-большому, но она представить себе не могла, как это происходит в новых условиях. Может быть, тоже на соломку?

На бледном лице лежащего на подушках мужчины появилась гримаса отвращения.

Лучше потерпеть, а там ведро потребовать. Ведра у них есть?

В-третьих, жутко чесалась грязная голова, а еще она обнаружила на себе блоху, и это усугубило и без того отвратительное настроение. Ну и в-четвертых, бок был горячим, рана пульсировала и болела. Все это и множество других «мелочей» — незнание языка, грязная постель, волосатое мужское тело, отсутствие элементарных удобств и жена в придачу — не располагало к веселью. Виктория попыталась иронизировать, но вся ее ирония сводилась к банальной матерщине. Чем она с наслаждением и занималась последние полчаса, мечась на подушках.

Курить хотелось невыносимо. А говорят, это привычка организма. Да ничего подобного! Этот организм никогда не знал никотина, но память услужливо подбрасывала воспоминания, отчего легкие словно наполнялись дымом. Черт! Она ведь бросила курить лет пять назад, когда увидела у младшего пачку сигарет. Тогда они и бросали, вместе. Как там ее мальчишки? Хорошо, что все уже взрослые, самостоятельные люди. Грустят, наверное. И она никогда не увидит, как растут ее внуки. Мужа жалко. За двадцать семь лет совместной жизни они научились понимать друг друга без слов и, хотя любовь уже перешла на совершенно другой уровень, ему будет труднее всех. На первых порах, конечно, поможет Леночка, она крестная их детей и близкий друг семьи. Было бы здорово, если бы они сошлись, тогда за мужа можно было бы не волноваться.

Мужчина на мгновение замер, из темно-серых глаз покатались слезинки, он поднял руку и резким движением смахнул их с лица...

Не время! Если об этом думать, она вообще расклеится. Не сейчас! Все у ее мальчиков хорошо! Они с мужем вырастили настоящих мужчин. Не пропадут!

Конт Валлид осторожно сел, опираясь спиной на большую подушку, прижатую к шершавой стене. Стало жарко, мужчина резким движением откинул меховое одеяло.

Лучше бы она этого не делала! Глаза тут же нашли неоспоримое доказательство принадлежности к другому полу!

Из горла конта вырвался свистящий звук, похожий на шипение испорченного радио. Рука непроизвольно дернулась в поисках тяжелого предмета, которым можно было бы запустить в стену. Хотелось орать, бить посуду и искать виновных. В голове крутилась единственная мрачная мысль. Плюнуть на все, отказаться от еды, дать ране воспалиться, получить заражение крови и умереть второй раз. А уж там... в загробном мире отыграться за то унижение, которому ее подвергли высшие силы! Это было заманчиво, но где гарантия, что в отместку ее не засунут в тело какого-нибудь хорька? Да и вернуться хотелось «со щитом», чтобы утереть нос всем этим бессмертным существам. Виктория протянула руку к лежащим на табурете листам плотной бумаги. Тут же стояли стаканчик с новыми перьями и плошка с чернилами. Она макнула перо в синюю жидкость и задумалась. Было немного страшновато: вдруг эта подаренная жизнь последняя? Вдруг больше она никогда не ощутит тяжести рук, боли в боку, холода и жара? Она вздохнула. Большие, корявые, дрожащие буквы русского алфавита легли на плотную бумагу. Виктория скептически глянула на написанное. Рука слушалась плохо, она не помнила, как выводить знакомые буквы. Даже этому приходилось учиться заново. «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть — это еще не конец. Но как же там скучно!»

Но... Когда Виктория вспоминала о контессе Литине — жене своего реципиента, у нее начинал дергаться глаз. Тут позавидуешь настоящему конту Алану. Умер мужик, и теперь ему совершенно не нужно заботиться о продолжении славного рода Валлидов.

Конт скривился и с ненавистью посмотрел на висящую напротив кровати вышивку. Картина была ни в чем не виновата, но больше претензии предъявить оказалось некому. Виктория еще вчера поняла, что это местные боги. Берт постоянно оглядывался на картину, когда обмахивался сложенными в щепоть пальцами. Круг справа налево, когда поминал Ирия, и слева направо, когда из его уст звучало имя Вадия.

Нет, ну как конта Алана угораздило жениться на этой девице? Бедняга. Мужчина покачал головой и тут же застонал, сжав кулаки. Женщина в нем зашлась в бессильной злобе. Бедняга? Гад он, а не бедняга! Гад! Как посмел подохнуть и ос-

тавить на нее эту тушу голубого кита? Ему теперь хорошо, а ей здесь отдувайся! Не мог найти себе молоденькую, хрупкую, опрятную и красивую девушку? А может, у контессы душа прекрасна? Ха-ха-ха!

Конт разразился хриплым истерическим хохотом. За дверью что-то грохнуло, кто-то испуганно вскрикнул, и это помогло взять себя в руки. Зажав рот ладонью, изредка икая и всхлипывая, Виктория постепенно успокоилась. Но все равно прошло не менее четверти часа, пока с трудом удалось прекратить истерику. Однако стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором вновь возникало круглое лицо контессы. Ну что за наваждение! По телу словно озноб прошел, и она натянула на себя мех. Мысль о том, что придется взять за руку эту чужую женщину, вызывала тошноту. Это неприемлемо! Даже будь контесса Литина мисс Вселенная, никогда Виктория Викторовна Вавилова не легла бы в одну постель с женщиной! Никогда! Да ни за какие блага! Лучше смерть!

Мужское тело резко повернулось на бок и замерло в неудобной позе. Боль в ранах и ребрах помогла справиться с отчаянием.

Она ощущала себя стопроцентной женщиной, несмотря на то что между ног у нее теперь болтались яйца!

К потолку полетел короткий хриплый вопль.

Забрали тело, отчего не забрали память? Сволочи! Все же нашли средство отомстить. И кто она теперь? Транссексуал? Этого только не хватало! Виктория зарычала, колотя ногами по постели. Будь она здорова, уже металась бы по комнате, снимая стресс набеганными метрами.

А если ей понравится мужчина? Как это будет выглядеть со стороны? Возможны ли в этом мире такие отношения? Черт, о чем только она думает! Даже если ей понравится мужчина... Перед глазами встали кадры берлинского гей-парада, и Викторию передернуло. Нет! Нет и еще раз — нет! Она схватила чернильницу и со всей силы запустила в стену. Удар оказался сильным, плашка разлетелась на множество осколков, оставив после себя мокрое синее пятно на серой стене и резкую боль в ребрах. Дверь тотчас распахнулась, и в комнату заглянула перепуганная рыжая девица. Виктория запрокинула голову и заорала в бесильной ярости. Девица пискнула и захлопнула дверь.

Безумный взгляд запавших глаз переместился на вышивку, и Виктории Викторовне показалось, что боги глумливо усмеваются, глядя на ее мытарства. Веселитесь? Смотрите сверху и

делаете ставки? Думаете, загнали в угол? Так вот, дорогие, — фиг угадали! Она придумает, как выбраться из того дерьма, в которое ее засунули! Она докажет! Не на ту напали! Найдёт общий язык с новым телом, подомнет его под себя, справится с гормонами, если, не приведи Господь, они попытаются диктовать свои условия. Виктория хрипло засмеялась, ощущая себя сумасшедшей. Она общалась с телом, словно оно не её, воспринимала разум как нечто совершенно отдельное, не первый ли это признак шизофрении?

Прокричавшись, Виктория с удивлением заметила, что ей стало легче и она может мыслить разумно. Тело конта расслабленно опустилось на подушки. А собственно, чего она психует? В каждой гадости нужно искать хорошее. Разве не это всегда было её жизненным кредо? Что страшного в нынешней ситуации? Всегда немного завидовала сослуживцам. И с карьерой им легче, и физически они более защищены, и домашние дела касаются их меньше, и футбол — святое. Короче, быть мужчиной не так уж и плохо. Особенно в это время. Насколько было бы хуже, попади она в тело служанки, бесправной и смазливой, которая не имеет права отказать господину. А вдруг случилась бы беременность? Она живо себе это представила. Ужас! Нет, все же хорошо, что она мужчина! А с женой придется что-нибудь придумать. Вот узнает больше о мире и придумает. Да и болеть можно долго, очень долго... и всегда можно свалить на болезнь свою мужскую несостоятельность. Немножко хитрости и лицедейства никому не повредит.

Виктория Викторовна оскалилась, глядя в окно на виднеющийся кусочек предрассветного неба. Значит, мужчина? Ну что же, она принимает вызов.

— Берт! — заорал конт Валлид.

Перепуганная служанка бежала так быстро, что не успела вовремя затормозить и с разбегу налетела на ксена, выходящего из своей комнаты.

— Простите, брат Взывающий! — дрожащим голосом произнесла девушка, низко кланяясь. — Там хозяин проснулся. Кричит на непонятном языке, требует Берта, — не дожидаясь ответа ксена, затараторила она со страхом в голосе. — Жуть как страшно.

— На незнакомом языке, говоришь? — заинтересовался ксен.

— Ирием клянусь! — Девушка прижала к груди руки. — Неужто конт после удара по голове совсем рассудка лишился?

— Много болтаешь. А может, твоим языком нечестивый Вадий вещает? — жестко произнес ксен, пристально вглядываясь в конопатое лицо. Страшненькая, да и грудь маленькая, но припугнуть стоит. Под его взглядом девушка словно уменьшилась в размерах. — Иди за Бертом и держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы тебя отправили чистить нужники. — Он осенил служанку знаком Ирия и решительно направился в покои конта.

Через несколько минут его догнал запыхавшийся Берт, пытающийся пятерней расчесать лохматые волосы, в которых застряли золотистые соломинки.

— Благословите светлым Ирием, брат Взывающий. — Слуга склонил белокурую голову. — Меня кир Алан вызывает, — доверительно сообщил он после того как ксен возложил ему на макушку ладонь.

— Что-то я тебя давно на исповеди не видел, Берт. — Ксен решительно шагал по коридору. — Плохо, когда человек забывает о богах, так и до скверны недалеко.

— Так недосуг было. То похороны, то хозяин без памяти лежал, а я при нем день и ночь.

— Для Создателя время должно находиться всегда, — строго произнес Взывающий. — Взывать не забываешь? — Берт замотал головой. — Верность твоя хозяину будет вознаграждена. Как кир Алан? Память к нему вернулась? — словно между прочим поинтересовался мужчина, одергивая сутану.

— Все понимает, но сказать не может. Мычит и пальцем в вещи тычет. А как услышит название, так словно вспоминает. Лекарка говорит, что так бывает, когда по голове сильно бьют.

— Больше ничего странного? Слов незнакомых не произносит?

— Орет, кубками бросается, — пожал плечами Берт, не поднимая глаз от пола. — Все, как и раньше, просто ослаб очень. Но госпожа контесса выгнала лекарку, сказала, молитва Ирию — лучшее лекарство.

Берт не стал уточнять, что друида, уходя, обвинила контессу в том, что она желает мужу смерти. Ворожея была лучшей травницей и лекаркой в этой части фронта, поэтому хозяйка сделала вид, что не слышит шепота женщины. Даже если это правда, кто посмеет ее осудить? Смерти виконта хотели многие, но мало кто осмеливался говорить об этом вслух.

— Пока кир Алан болеет, слово кирены закон, — рассеянно ответил ксен, думая о чем-то своем.

Берт бросил на него быстрый, внимательный взгляд и вновь опустил глаза. Отчего он не рассказал ксену правду, парень даже сам себе объяснить не смог бы.

— Берт, вода! — едва открылась дверь, скомандовал конт Валлид и осекся, увидев, как в комнату входит давешний священник.

Виктория бросила на мужчину в сутане внимательный взгляд и тут же прикрыла глаза, словно силы покинули израненное тело. Ей хватило одного мгновения, чтобы понять — перед нею стоит либо религиозный фанатик, либо человек, очень хотящий оным казаться. Старая, вытертая на локтях и по вороту сутана из грубой шерсти, подпоясанная обыкновенной зеленой веревкой, висела на ксене, словно на палке с перекладиной. Из-под нее выглядывали некогда черные, а теперь изрядно потертые кожаные мягкие тапочки, напоминающие чешки на веревочках. Судя по тому, что держался ксен немного скованно и излишне прямо, под сутаной была надета либо непривычная ему кольчуга, либо вериги. Высокий, худой, гладко выбрит, со впалыми щеками и светлыми, почти прозрачными голубыми глазами. Взгляд из-под капюшона — цепкий, внимательный, недоверчивый. Неужели что-то заподозрил? Опасный тип. Такого нужно держать либо рядом, либо как можно дальше. Интересно, что его привело в такую рань? Вчера раненый слишком быстро потерял сознание, чтобы ксен успел рассмотреть что-то во взгляде лжеконта. Проверяет?

Ксен тем временем подошел к кровати и, положив прохладную руку на лоб господина, начал петь речитативом. Ну прям рэпер. Виктория чуть приоткрыла один глаз. Берт стоял за спиной священника и пристально смотрел в лицо киру Алану. Увидев, что хозяин бросил на него взгляд, он приложил палец к губам. Конт понимающе скривился. Слуга предупреждал, чтобы Виктория не ляпнула ничего на неизвестном здесь языке. Лучше сделать вид, что от удара возникли проблемы с головой. Видела она в своей жизни людей с расстройством речи, поэтому имитировать это состояние труда не составит. А вот что делать с Бертом? О чем он догадался? И если понял слишком много, то кем станет — врагом или другом? Что их связывало с реципиентом, кроме кормилицы?

Ксен перестал молиться, осенил конта священным кругом, что-то буркнул кланяющемуся Берту и, бросив на больного еще один внимательный взгляд, быстро вышел из помещения.

Сложно понять, что у него на уме. Но с этим святошей возникнут проблемы. В этом женщина была уверена. Ладно, о том, что с ним делать, она подумает позже, когда появится побольше информации. А сейчас — мыться и учиться, учиться, учиться. Чем быстрее она освоит местный язык, тем быстрее поймет, как ей себя вести дальше. И еще обязательно нужно посмотреть, что там за рана на боку. Уж очень болезненная и горячая, как бы действительно заражение не получить. Конт криво усмехнулся, представив свое появление в одном известном мире. Эта его ухмылка отчего-то перепугала слугу до испарины на лбу. Нужно бы в зеркало глянуть, может, реципиент страшен до такой степени, что любая его гримаса вызывает у окружающих непровольный ужас? Это будет весело. Чего скрывать, Виктория любила красивых людей и надеялась, что мужчина, которым она ныне стала, симпатичный. Ей казалось, что это поможет смириться с неизбежным злом.

— Берт. — Конт поманил слугу к себе сложенными пальцами. — Вода. Много. Мыть.

— Нельзя вам мыться, господин. Раны еще не зажили, — попробовал сопротивляться Берт, но конт ухватил его за воротник рубашки и подтянул к самому лицу. Откуда только силы взялись в исхудавшем теле. — Быстро! — прошипел он, и Берт не посмел перечить, услышав в голосе мужчины знакомые рычащие нотки.

Виктория, сидя среди подушек, с интересом следила за приготовлениями, подмечая мелочи. Например, отчего тканый пояс был лишь у Берта и почему ему тоже кланялись «беспоясные» слуги? Не так низко, как конту, но все же. Может, пояс — это знак отличия, показатель более высокого статуса?

Сначала двое парней притащили большое глубокое деревянное корыто, похожее на челн. Его поставили посреди комнаты. Затем четверо мужчин принесли по два ведра воды. Семь ведер вылили в корыто, а одно оставили рядом, накрыв сложенной в несколько раз тряпкой, как оказалось — полотенцем.

Конт протянул руку, и Берт тотчас подставил под нее плечо. Стоило встать, как мужчину повело в сторону, и он повис на парне всей своей массой, с удивлением замечая, что реципиент выше слуги, хотя тот был немаленького роста.

Черт! Ходить тоже придется учиться заново, привыкая к новому телу! Она про себя выматерилась.

Вода! Теплая вода! Какое это удовольствие! Подумаешь, раны и ссадины начало пощипывать. Ну и что, что колени вы-

пирают, зато можно облокотиться на высокий борт и расслабиться. Как мало нужно для счастья! По лицу конта разлилось блаженство, в уголках глаз блеснула влага.

В комнату тихонько зашли две испуганные молоденькие девушки, лет по пятнадцать, не старше. Обе в бесформенных серых платьях и белых косынках, завязанных сзади под длинными косами. Одна несла перед собой таз с водой, вторая тащила низкий табурет, на котором стояла глубокая миска с мыльной пеной и лежала мочалка из люфы!

Увидев мочалку, Виктория чуть не всхлипнула. Таким родным показался ей этот предмет. Как же мы не ценим то, что нам кажется обыденностью! Сейчас этот кусок люфы казался ей самой дорогой вещью на свете, которую она не променяла бы ни на какие сокровища этого мира.

Пока конт любовно гладил мочалку, кривя губы в совершенно безумной улыбке, девушки перестелили постель, вытряхнули одеяло и замерли за спиной господина.

Берт громко и отчетливо продолжал называть новые предметы и действия, а Виктория тщательно запоминала слова. Все же хорошо, что в свое время ей пришлось выучить чешский язык, иначе сейчас было бы намного тяжелее. А так она чувствовала себя собакой. Понимала почти все, но сказать не могла.

За окошком взошло солнце, его первые веселые лучи протянули свои щупальца в комнату, отразились неровными оранжевыми всполохами в воде. Девушки, стараясь не сталкиваться с контом взглядом, тщательно вымыли ему голову, ополоснули волосы настойкой трав, отмыли тело и, дождавшись кивка Берта, так же бесшумно исчезли из комнаты. Как заметила Виктория — с огромным облегчением. Она тоже почувствовала себя свободнее. Все же это неприятно, когда твоего тела касаются чужие руки. Пусть даже эти руки умелые и осторожные. Был один напряженный момент, когда одна из девчушек протянула дрожащую руку к паху, но Виктория так на нее гаркнула, что несчастная испуганно отпрыгнула в сторону. Не хватало еще, чтобы организм отозвался на прикосновения. Разум не воспринимал женщин как сексуальный объект, но кто знает, как на это отреагирует мужское тело? Экспериментировать не хотелось совершенно. Не привыкла она еще к этой мысли, да и вряд ли когда-нибудь привыкнет. А девчушек, видать, специально выбирали посимпатичнее, чтобы угодить хозяину. Неужели этот кобель мог позариться на таких молодых?

Но самым познавательным оказался процесс бритья. Берт умело орудовал остро заточенным ножом, но Виктория все равно постоянно вздрагивала, когда нож оказывался в опасной близости от шеи. Кошмар! Вот уж не думала, что это такое опасное и неприятное занятие. Может, бороду носить? Но она чешется! И в ней будет оставаться еда. Женщина тяжело вздохнула, проведя рукой по гладкому подбородку. Бриться придется научиться. А пока... Если Берт и удивился требованию конта побрить подмышки, то не подал виду. Виктория Викторовна подумала, что не мешало бы избавиться и от остальных волос на теле, но решила не шокировать слугу. Известно, до какой степени распространяется порог его толерантности. Еще нажалуется ксену на ненормальное поведение хозяина. Мужчина, бреющий ноги, пожалуй, и у нее вызвал бы оторопь. Женщина про себя хихикнула.

Чистый, выбритый конт задумчиво рассматривал отражение в немного вогнутом зеркале, которое держал перед ним Берт. Смотрел, словно никогда до этого себя не видел. Кривил губы и сжимал кулаки.

В голове у Виктории крутились лишь два слова — маленький, юркий, безумно красивый северный зверек и падшая женщина. Что тут еще можно сказать? Будь она жеребцом, наверное, гордилась бы собой. А может, это зеркало все увеличивает? Она скосила глаза. Пришлось со вздохом констатировать — если и увеличивает, то незначительно.

Рану на боку придется вскрывать. Пять толстых кривых стежков соединяли неровные воспаленные края. Шов посинел, опух и вонял. Такое она уже видела. Рана загноилась и воспалилась. Удивительно, что еще нет жара. Черт! Черт! Черт! Без антибиотиков, без обезболивающего, без антисептиков... Интересно, лекари здесь есть?

Резать рану Берт отказался наотрез. Пришлось самой. Нож прокалила над свечой, долго приноравливалась, крутясь перед зеркалом и не обращая внимания на бледного слугу. А потом решительно подцепила первый шов. Боль оказалась вполне терпимой. Конт криво усмехнулся. Тому, к кому три раза навещался в гости аист, гнойная рана может показаться прыщиком. Выдавить и забыть. Больше неудобство доставляли ребра, которые начали болеть при каждом неловком движении. Все же интересно, кто нанес конту Валлиду эти многочисленные раны?

Пока Виктория, кривясь от вони и боли, осторожно промывала рану смоченной в травяном чае тряпицей, в комнате поя-

вились еще два действующих лица. Пожилая женщина в черном платье, украшенном тканым поясом со сложным узором, несла пахнущий травами узелок и кувшин. Следом за нею в дверь, наклонив голову, вошел огромный бородатый мужик с мечом на поясе. Виктория несколько раз моргнула, почувствовав себя хилым длинноногим котенком. И это при ее росте под два метра! Она никогда еще не видела таких здоровяков. Наверное, так выглядели былинные богатыри. На вид мужчине было лет сорок — сорок пять. Под рубашкой перекачивались могучие мускулы, светлая грива курчавых волос лежала на плечах такого размаха, что на них при желании уместилось бы четверо детей, да еще и место осталось бы! Лоб пересекал кожаный хайратник. Жилистую мощную шею украшала красная тесьма с искусно вырезанным из дерева символом — четырехлучевой звездой. С ума сойти! Вот бы встретить такого в прошлой жизни, ни за что не прошла бы мимо.

Пока Виктория заворуженно гладела на богатыря, женщина что-то сердито прошипела и решительно отобрала у нее тряпку. Запахло травой, на рану полилась прохладная вода. Конт облегченно вздохнул. В голове зашумело, в глазах потемнело, ноги подкосились. Пришел откат. Здоровяк едва успел подхватить на руки падающего мужчину.

Очнулась Виктория очень невовремя. Да что же это за напасть такая?! Неужели не могла подольше в обмороке поваляться! У, как же больно! Они что, соли туда насыпали?

Она заорала. Тотчас в рот сунули деревяшку, воняющую псиной. Это они ей Куськину игрушку в рот суют? Идиоты!

В рану словно воткнули раскаленный штырь и провернули его там. Женщина чистит и зашивает, поняла Виктория и сильнее сжала зубами деревяшку. Хотя бы догадалась дренаж поставить.

Лекарка ворчала на непонятном языке, перемежая свою речь короткими командами. Виктория поняла, что это местная травница, которую Берт называл уважительно — друида.

Виктория дернулась, но не смогла даже пошевелиться. Воин держал за плечи, Берт сидел на ногах. За что ей это? Они хоть иглолку с ниткой продезинфицировали?

«Боже, я же знаю, что ты есть, сделай так, чтобы эти муки были не напрасны!»

Тени в углу за колонной сгустились, распались на множество островков мрака, и ей показалось, что из них соткался ан-

гел. Он подошел, положил руку на лоб стонущему конту и улыбнулся. Разве ангелы выходят из тьмы?

Красивая галлюцинация с огненными глазами...

«...посмотрели братья на дело рук своих и присели под раскидистым деревом отдохнуть. Устали они и проголодались, но некому было подать им яства и питье. И тогда Ирий сотворил слугу для себя по своему подобию. И назвал он его мужчиной. И дал он ему лук и стрелы, и научил добывать пищу и огонь, строить дома и возделывать поля, чтобы мог он служить ему. Глядя на это, Вадий создал для себя рабыню — ликом прекрасную и для глаз приятную — и назвал ее женщиной. И научил он ее хитрости и коварству, и велел он ей соблазнить мужчину, чтобы забыл он о служении своему Создателю...» Приближенный Верикс, знаменитый своими трактатами о жизни сподвижников и святых, так говорит в своих проповедях: женщина была создана Вадием для улаживания мужчины и для продолжения рода человеческого. А тело ее служит оружием Вадия, чтобы мужи достойные отвлекались от служения Создателю. Поэтому служителям Божиим он рекомендует усмирять плоть и не поддаваться на зовущие взгляды соблазнительниц. Но если слаб ты духом, то следует обзавестись женою законной, воспитать ее в почитании и жить с нею до дня своего последнего, прославляя Ирия Светлого. И подбирать женщину для себя надобно тщательно, дабы не пришлось затем всю жизнь проводить в ругани и склоках, из-за которых грехи жены тяжким грузом ложатся на спину мужа. А чтобы не сломался хребет от бабских грехов, надобно учить супругу свою уму-разуму...

Ничего нового. И в этом мире женщина — «сосуд греховный».

Хорошо поставленный голос Взывающего эхом отражался от стен комнаты и рассыпался вокруг лежащего на кровати мужчины. Контесса Литина, приоткрыв рот, внимала, забыв о вышивке, лежащей у нее на коленях. Вот она слегка повернула голову и бросила на мужа внимательный взгляд, словно оценивая его реакцию. Да нет, наверное, показалось. Откуда у этой туши может быть умный оценивающий взгляд?

Виктория про себя взвыла. Эта религиозная пытка длилась на протяжении всех дней, которые она была вынуждена провести в постели, изображая из себя смертельно больного. Каждое утро в комнату приходил ксен, читал над контом молитву светлему Ирию, при этом смотрел так, словно ожидал, что

мужчина от его слов рассыплется прахом. Но кир Алан не доставил ему такого удовольствия. Он тщательно обмахивался сложенными щепотью пальцами и не собирался ни гореть синим пламенем, ни корчиться от святого слова, ни тем более умирать. Да что там говорить! Даже аллергии на молитвы не появилось. Викторией казалось, что сей факт жутко расстраивает ксена. Но здесь она ему ничем помочь не могла. Одержимость нужно еще доказать, а голословные обвинения в адрес одного из потомков древнего рода могли закончиться для ксена виселицей. Потом, конечно, прибыли бы представители Храма, но мертвецу уже ничего не помогло бы. Оба это знали и мило улыбались друг другу, в душе желая оппоненту долгой и мучительной смерти.

А вечером приходила «любимая» женушка с вышивкой или толстой книгой и начинала вслух читать жизнеописания богов. Часто к ней присоединялся ксен. И тогда теологические диспуты затягивались на часы. Ксен начинал размахивать руками, брызгать слюной, с фанатичным блеском в глазах нести всякую чушь. Контесса смотрела на него с восторгом, ловя каждое слово. А конт, который не понимал половины услышанного, наблюдал за этими двумя сквозь щелки полуприкрытых глаз и делал выводы.

То, что Литина влюблена в ксена, было видно невооруженным глазом. А вот он? Если и он к ней неровно дышит — это подарок небес! Уличить жену в неверности и потребовать развода. Но... это слишком легко. К сожалению, ксен если и был влюблен, то очень умело скрывал сей факт. Тогда что он здесь делает? Духовник госпожи... Ну-ну. Так мы вам и поверили, господин Взывающий. Берт рассказывал, что ксен появился в замке на следующий день после прибытия юной Литины. Он же проводил обряд бракосочетания. Да так и остался в замке, заменив местного ксена, которого срочно отозвали в столицу. Мужчина слыл аскетом и каждый вечер умирал плоть часовыми молитвами, при этом отказывался от услуг рабынь, предпочитая, чтобы ему прислуживали мальчики. Надо приставить к нему своего человека. Хотелось бы знать, где он бывает, с кем общается, что делает.

Черт бы побрал эту жену! Сидит, выкатив глаза, на массивном широком деревянном стуле, который под нею кажется хрупким и изящным. В руках надкушенное яблоко, на коленях вышивка. Очередное покрывало для местного храма. А ведь молодая женщина. Виктория пыталась с ней поговорить. О де-

лах замка, о хозяйстве, о мироустройстве, об интересах контессы. Ведь должно же ее интересовать что-либо кроме булочек, вышивки и молитв? Но Литина пугалась, заливалась румянцем и начинала нести такой бред, что приходилось вежливо просить ее заткнуться. Чтоб тебя дьявол прибрал! Вместо того чтобы проводить время с пользой, приходится притворяться умирающим бревном. Дело в том, что она уже вставала и ходила по комнате, но ее дико пугала перспектива оказаться в спальне контессы, и она продолжала разыгрывать из себя жутко больного.

Но все когда-нибудь заканчивается, и терпение конта Валлида тоже закончилось. Сегодня он приказал не пускать к нему вечером никого, кроме Берта и Рэя — так звали поразившего Викторию богатыря. Как оказалось, он был нянькой молодого виконта и находился при нем с его рождения. Фактически Алана вырастили Нанни — кормилица — и Рэй — капитан замковой стражи, преданный и верный воин, разделивший с хозяином все тяготы ссылки на фронт. Рэй, пожалуй, был единственным человеком, который не боялся сумасбродного и жестокого Алана Валлида и, похоже, искренне его любил.

— А помните, господин, как я вас отговаривал от женитьбы? Вам только пятнадцать сравнялось, когда батюшка ваш покойный оженить вас решил.

— Почему не отговорил? — недовольно спрашивал конт.

— Вам же весчанок и рабынь мало было, дворянку подавай! Вы же думали, что у благородных все по-другому, — с хитринкой в молодых не по годам глазах посмеивался Рэй. — Вот ваш батюшка и сосватал госпожу Литину. Хотел, конечно, виконтессу Маричку, да Наместник не позволил, пришлось брать местную баронеску. Правда, она не из потомственных. Титул ее дед получил, когда одолжил прежнему королю золота в трудный год.

— Так она из купчих? — поинтересовался конт, внимательно слушая своего няньку.

— А то вы не помните, — шурился воин, баюкая в огромных ладонях толстую оранжевую морковку.

— Рэй, ты же знаешь, после удара по голове у меня провалы в памяти. Тут помню, тут не помню. Расскажи.

— А что рассказывать? Вам стукнуло пятнадцать, вы были у нас уже мужчина хоть куда, всех девок перещупали, а кирене Литине исполнилось четырнадцать. Вам она сразу не понравилась. Вы изволили еще ее портрет порезать.

— Подозреваю, на портрете красавица была изображена, — хмыкнул конт.

— Госпожа и сейчас красивая, — произнес Берт из угла, где затачивал перья для письма.

Виктория с удивлением на него посмотрела.

— Ты это серьезно?

— Конечно, господин. Ваша жена одна из самых красивых женщин. Жаль, что наследника она вам еще не принесла.

Конт Валлид похлопал глазами и промолчал. Может быть, здесь каноны красоты такие, как были на Земле во времена Ренессанса? Но в уме возник план. Пожалуй, можно будет отделаться от супружеских обязанностей.

— Сколько лет мы женаты? — уточнил он у Рэя.

— Почти десяток, господин конт.

— Ага. Отлично. Берт, пригласи ко мне ксена.

Когда Берт вышел из комнаты, конт поманил к себе капитана.

— Рэй, я хочу знать, где бывает ксен, с кем общается, с кем спит, что ест, кому пишет и что пишет. Ты меня понял?

— Неужто госпожу контессу в неверности заподозрили? — ахнул здоровяк.

— А что, есть повод? — прищурился конт.

— Бабы всегда поймут, когда другая баба влюбится, — уклончиво ответил воин, не желая быть тем, кто несет раздор в семью.

Виктория про себя хмыкнула. Это точно. Она ведь поняла. Ах, как было бы замечательно, если бы это оказалось правдой! Но даже если этот вариант не пройдет, у нее в голове имелся еще один. Странно, но мысль устранить Литину физически ни разу не посетила голову нового конта Валлида. Контесса ничего плохого ему не сделала. Она просто вносила дискомфорт в существование, и без того весьма неопределенное. Если бы ксен не намекал при каждом удобном случае, что замку нужен наследник, Виктория вообще не беспокоилась бы на эту тему.

— Рэй, зачем мне жена?

— Как зачем? Чтоб наследника родила! Нельзя земли без наследника оставлять. Хоть и негодие они, и ссылка вечная, но ваши по праву.

Слух Виктории моментально вычленил нужное слово. Ссылка?

— Что за ссылка?

— Э-э-э...

— Рэй!

— Ну, коли вы теперь конт, то можно рассказать. Да только это разговор длинный и тайный. И Нанни надо звать. Она больше меня знает. — Рэй задумчиво поднес ко рту морковку и, откусив сразу половину, начал с хрустом ее жевать. — Да, господин мой, без Нанни никак.

В комнату вошел недовольный ксен. Сразу с порога он начал возмущенно говорить:

— Кир Алан, сейчас время исповеди, а вы меня отвлекаете. Вам известно, что...

— Молчать! — чуть слышно произнес конт, и ксен поперхнулся зародившимися в горле словами. — Ты, может быть, забыл, кто тебя кормит, ксен? На чьей земле стоит храм? Кто жертвует на его содержание? Или я уже не хозяин в своих землях?

Взывающий сердито засопел, но промолчал. Виктория тоже молчала, глядя на ксена пристальным тяжелым взглядом. Посмотрим, кто кого! Она знала, что если сейчас не укажет ксену его место, то потом очень сильно об этом пожалеет. В борьбе взглядов победил конт Валлид. Взывающий отвел глаза и спокойно спросил:

— Зачем вы хотели меня видеть, кир Алан?

Победа! Пусть маленькая, но победа. А о капле пота, стекшей по спине, никто и не догадается.

— Я хочу развестись с контессой Литиной Валлид, — спокойно сообщил черноволосый мужчина. — На основании того, что она не может родить мне детей. За десять лет нашего брака она ни разу не понесла, а мне нужен наследник.

Ксен этого не ожидал. Как не ожидали и Берт с Рэем. Все трое вылупились на хозяина. Но первым не выдержал Взывающий:

— Но это надо доказать. Может быть, причина не в кирене Литине, а в вас.

— У господина с этим делом все нормально, — улыбаясь во весь рот, сообщил Рэй, взмахнув огрызком морковки. — По вескам его ублюдков с десяток наберется.

Виктория при этих словах поежилась, однако в память отложила. Это тоже был вариант.

— Но для развода необходимо согласие Приближенного, — сделал еще одну попытку ксен.

— Вот ты ему и напиши. Сегодня же. Больше я тебя не задерживаю.

Ксен поклонился и с неестественно прямой спиной направился к двери. Как-то легко он согласился...

«А сейчас последний штрих. Я видела, голубчик, как в твоих глазах мелькнула ненависть. Может быть, и нападение ведьмея, о котором рассказал мне Берг, было делом твоих рук? Я пока не поняла, какие интересы ты преследуешь, но то, что ты здесь неспроста, — догадалась. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу. И еще я слышала, ты предпочитаешь мальчишек-рабов. Плоть ты усмиряешь, рассказываешь о коварных соблазнительницах, сторонисься женщин? Ну-ну... Насмотрелась я на таких в своем мире. Ну а если ошибаюсь, то ты намека не поймешь».

— Взывающий, — окликнул конт ксена, когда тот открыл дверь. — А как в Храме относятся к мужеложству?

— К чему этот вопрос, кир Алан? Вам мало рабынь? — не оборачиваясь, съязвил мужчина.

— Да вот хочу оскорпить одного насильника, да не хочу вызывать недовольство храмовников, — серьезно произнес конт, пропуская мимо ушей грубый намек.

— Официально осуждают, — буркнул ксен и вышел, громко хлопнув дверью.

А неофициально, значит, закрывают глаза. Мир другой, а нравы те же.

На следующий день Виктория вызвала к себе Берта. Рисковать она не собиралась. Ксен, как и обещал, написал официальный запрос на развод и отправил его в канцелярию главы Взывающих с проходящим мимо обозом, изложив в нем причину такого решения конта Валлида. Но, кроме этого письма, была еще записка в три слова: «Объект начинает беспокоиться». Пришла пора узнать, что это за ссылка и кому мешает опальный конт. А пока подстрахуемся.

— Берг, я хочу, чтобы ты ухаживал за моей женой.

Берг упал на колени.

— Пощадите.

— Тебе ведь нравится кирена Литина. — Виктория внимательно следила за парнем. Интересно, как далеко простирается его верность? — Я не хочу убивать контессу, но, если Приближенный откажет мне в разводе, у меня не останется выхода. Из этого замка у нее две дороги. В монастырь или на погребальный костер.

— Но это опорочит ее в глазах других аристократов, — тихо произнес Берг.

— А какое наказание предусмотрено простолюдину, позавишемуся на жену хозяина?

— Кнут или закапывание заживо, — прошептал Берт.

Да... О времена, о нравы! Убить Литину она не сможет. Пока не за что. Не убивать же женщину за то, что она глупа. Да и не факт, что это так. Может быть, она просто боится своего милого муженька-отморозка и от страха глупеет? Если Приближенный откажет в разводе — придется либо договариваться полюбовно, либо использовать одну из заготовок. Неплохо было бы остаться супругами для людей, но избежать исполнения супружеского долга. В этом тоже есть свои плюсы. Можно будет спокойно жить, не остерегаясь наплыва невест. Это хороший вариант и, пожалуй, даже лучший, чем развод. Только вот как к этому отнесется ксен? Ведь Литина на исповеди не будет врать. Необходимо выяснить, как далеко распространяется власть Храма в этом мире. Ладно, время покажет, каким путем пойдет конт Алан Валлид.

Виктория задумчиво смотрела на преклоненного слугу. Они попробуют повернуть эту аферу. А там, если контесса не устоит, то можно будет надавить... Кто, в конце концов, хозяин этих земель? И кстати.

— Берт, как умер мой отец?

ГЛАВА 3

Пришли братья в новый мир,
оглянулись и принялись за дело.
Ирий создал луга и поля,
а Вадий сотворил горы неприступные
и болота топкие.
Видя это, создал Ирий моря,
а Вадий бросил в них горсть соли,
и стала вода непригодна для питья.

II Песнь Жития

Виктория не спала. Она сидела на кровати и пялилась на мерцающий огонек единственной свечи, горящей в железном канделябре. Голова буквально пухла от мыслей. Хотелось сжать виски ладонями и завывать.

Каким же законченным негодяем нужно быть, чтобы вот так хладнокровно убить своего отца? Чтобы систематически избивать слуг, издеваться над рабами, насиловать крестьянок?

Теперь ей понятен страх, который периодически мелькает в глазах Берга. Конт Алан приказал повесить раба только за то, что в птичник забралась ласка и утащила одну курицу. Псих. Недаром его боится собственная жена.

Неприятное ощущение. Словно тебя обвиняют в преступлении, которое ты не совершала. И ей теперь с этим жить.

— Где бы ты сейчас ни находился, Алан Валлид, я желаю тебе гореть в аду и чтобы черти отрывали от тебя по маленькому кусочку раскаленными щипцами!

Только вот есть ли он, этот ад? Виктория нахмурилась. Она прекрасно помнила свою прежнюю жизнь, но что случилось после смерти — исчезло из ее памяти. Осталось лишь несколько слов на желтом листе бумаги: «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть — это еще не конец. Но как же там скучно!» Когда она это написала, она тоже не помнила, но не доверять себе повода у нее не было.

Да уж, посмертие — врагу не пожелаешь. Тело самоуверенного, жестокого, эгоистичного, себялюбивого отморозка. Один плюс — имидж создавать не надо. Зато все остальное — минусы.

Рэй и Нанни все же рассказали новому конту правду. И теперь Виктория мучительно соображала, что ей с этой правдой делать. Она вскочила на ноги и заковыляла по комнате, разгоня мышей, шуршащих в соломе. Так думать было легче.

Страна Галендас, куда ее занесло после смерти, состояла из разрозненных самостоятельных территорий с постоянно меняющимися очертаниями. Границы между владениями были весьма зыбки, особенно в горах и лесах. Земли, как и рабов, можно было продавать, дарить, менять, отбирать и завоевывать. Верховным сюзереном для всех являлся король. В стране существовали единые системы меры, длины и расчетов. Золотые монеты печатал только королевский монетный двор, серебро и медь — монастыри Храма. На большей территории мира поклонялись двум богам — светлому Ирию и темному Вадию. И только горцы и островитяне придерживались древней религии и веровали в духов предков, да друиды общались с духами природы.

Судя по рассказам Рэя, конт Валлид старший был женат на красивой женщине. Очень красивой. Странно распорядилась судьба. У конта не имелось детей, и король был молодым бездетным вдовцом, для которого подыскивали очередную подходящую невесту среди соседских принцесс. В то время земли

конта находились в нескольких часах езды от столицы. Балы, охоты, пиры... Король слыл бабником и, естественно, не смог пройти мимо красавицы-контессы. Их роман длился почти год, после чего женщина поняла, что беременна. Когда она была в начале срока, король погиб — банально утонул в реке на радость врагам.

От гражданской войны страну спас Наместник Храма. Его Искоряющие за одну ночь арестовали всех смутьянов, избавились от недовольных, а на трон посадили регента — дальнего родственника короля, трехлетнего мальчишку, страдающего скудоумием. Несколько лет назад был заключен договор с соседним государством о браке регента с младшей принцессой. Теперь ждали, когда невесте исполнится шестнадцать лет, потому что по законам ее страны девочка становилась совершеннолетней именно в шестнадцать, а не в четырнадцать, как в Галендасе.

Фактически с тех пор страной правил Наместник.

В один из тех давних дней конта Валлида вызвали во дворец. Что там произошло — никто не знает, но в течение суток конт собрал верных ему людей, рабов, погрузил на телеги скарб, в карету — беременную бастардом короля жену, и длинный обоз направился в сторону моря. Новые земли конта Валлида были больше предыдущих владений, и многие восприняли это как милость регента. Но конт всегда говорил верному Рэю, что это ссылка. Фронтир никогда не был местом, куда отправлялись добровольно.

В положенный срок контесса родила здорового крепкого мальчика, обладающего отличительной чертой королевского рода — редкими для этого континента черными как смоль волосами и темно-серыми, почти черными глазами. Те, которые видели короля, сразу замечали несомненное сходство. Но конт Валлид позаботился, чтобы таких осталось как можно меньше. Двое. Верная нянька виконта Рэй Молчун и кормилица Нанни, ставшая впоследствии любовницей конта. Мать Алана умерла при загадочных обстоятельствах, когда ему было полгода. Говорили, что она отравилась, но Нанни в это не верила. Слишком контесса любила жизнь. Теперь, после смерти старого конта, о тайне рождения Алана знали трое — он, вернее Виктория, пребывающая в его теле, Рэй и Нанни.

— Черт! Я имею все права на королевский трон. А оно мне надо?

Виктория задумалась. Власть — огромная ответственность и огромное испытание. И свобода, которую она дает, — лишь иллюзия. А поэтому забудем. До поры до времени. Потому что что-то подсказывало, что забыть об этом полностью ей не позволят. Нет, надо же... бастард последнего короля. Никак боги решили пошутить. Виктория остановилась напротив белеющей во мраке комнаты вышивки.

— Интересно, кто из вас пишет литорею моей жизни? Это ведь твоя работа? — Она ткнула пальцем в изображение Вадия.

Бог промолчал. Лишь замерцал в неровном свете бисер на рукояти его меча.

Сегодня она впервые покинет комнату. Страшновато. Женщина произвольно оттягивала этот момент до последнего. Эта комната стала своего рода убежищем, берлогой, куда Виктория спряталась от новой жизни. Спряталась, как испуганный кролик в норку. Но вечно прятаться нельзя. Нужно жить. Больше оттягивать выход в мир невозможно. И так по замку пошли слухи об одержимости молодого хозяина. Придется держать ухо востро и следить за собой, чтобы не выдать своей некомпетентности.

Конт, обхватив себя за плечи, сел на кровать, невидяще уставился в окно. Там, за окном, лежал новый мир. Как он встретит чуждую ему душу? Примет ли?

— Обоз! Вижу обоз! Всадники и телеги! — раздался приглушенный толстыми стенами крик.

Наступила тишина, чтобы спустя мгновение наполниться множеством звуков. Низкий завывающий лай-плач тау, ржание лошадей, крики и топот подкованных сапог по коридору за стеной. Виктория вскочила на ноги и остановилась в нерешительности. Сердце громко стучало о ребра, руки тряслись, во рту пересохло, а воздух вдруг стал вязким. Она бросилась к двери, но протянутая рука застыла над массивной кованой ручкой. Что делать? А если это нападение? Что она сможет? Она ведь никогда... А может быть, лучше переждать?

Отставить! Это твой замок! Это твои земли и твои люди! Ты никогда не была трусом! Что ты теряешь? Всего лишь жизнь, а умирать теперь не страшно, потому что ты знаешь: после смерти тоже есть бытие. Так что тебя пугает, Вавилова? Скажи себе честно. Ты боишься не справиться, боишься недоверия и ненависти людей, одиночества. Боишься поддаться мужскому телу и потерять свою сущность, забыть, кем ты была

раньше, раствориться в конте Алане Валлиде, стать таким, каким был он. Какие нелепые страхи! Пошли их подальше и живи! Ты никогда не узнаешь, на что способна, пока не попробуешь жить. В конце концов, смерть — это тоже своего рода приключение.

Конт оскалился, в дверь забарабанили, и она распахнулась, выпуская внутрь Берта, нагруженного кучей одежды, и рыжую девушку с тазиком и кувшином. Виктория вспомнила, что на ней надет только черный шелковый халат на голое тело, и обрадовалась догадливости Берта.

— Доброе утро, кир Алан, — поклонился слуга. — Я помогу вам одеться. Там у ворот купеческий обоз. Идут от Большого Пальца. Товар привезли на обмен и продажу. Рэй ждет вас.

Ну вот. Началось.

— Сколько человек? Какой товар? — отрывисто спросил Алан, ополаскиваясь над тазом холодной водой, которую лила на ладони рыжая служанка.

— Кир Алан, не гневайтесь! Я сразу к вам поспешил. — Берт бухнулся на колени и склонил голову.

Да что это такое? Виктория как раз набрала в рот густую горьковатую настойку, которая заменяла здесь зубную пасту. Она отлично отбеливала зубы, снимала налет и уничтожала запах изо рта. Но держать ее во рту нужно было долго, поэтому, пока она тщательно полоскала рот, считая до шестидесяти, слуга так и стоял на коленях, склонив голову.

— Берт! — зарычала она раскатистым голосом конта, сплевывая в таз. — Еще раз рухнешь на колени, когда я тут стою перед тобой почти голый и мерзну, будешь... — Виктория задумалась, она не знала, как звучит на местном языке слово «отжиматься», — ...будешь упираться руками в пол, пока не рухнешь! А ты брысь отсюда, — повернулась к испуганно всхлипнувшей девушке.

Рыжая служанка пискнула и, подхватив тазик, выбежала из комнаты. Ну и что такого она опять сказала? Виктория подняла глаза к потолку, а затем грозно посмотрела на слугу.

Берт внял и начал споро натягивать на мужчину местную одежду. Рубаха и узкие нижние штаны из тонкого беленого сукна, чулки, которые крепились к штанам завязками, шерстяная приталенная рубашка на шнуровке, черные брюки со штрипками, сверху кожаный доспех, состоящий из панциря и юбки, высокие сапоги.

Картину довершала перевязь с мечом.

— Ну и зачем мне меч? Опирается на него вместо трости? — пробурчал конт по-русски. — Хватит кинжала. Да и доспех лишний, от стрелы не уберезет, только вес на ребра. Снимай!

Берт попытался возражать, но конт был непреклонен. Так и пошел на улицу в черной куртке из плотной ткани, напоминающей брезент, с одним кинжалом на поясе.

— Рэй будет ругаться, — выдвинул Берт последний довод, открывая перед контом дверь.

Виктория про себя усмехнулась. «Знал бы ты, мальчик, что для меня меч — это просто железная палка». А вот кинжалом она пользоваться умеет... Точнее, умела, ...Лук или арбалет тоже знакомые предметы, но меч... А ведь придется как-то объяснить Рэю, отчего конт вдруг забыл, с какой стороны братья за оружие. Вся надежда оставалась на память тела.

Они вышли в коридор, моментально признанный Викторией шедевром минимализма — голые каменные стены, все украшение которых состояло из редких факелов и застывших у дверей воинов. Один из них распахнул перед контом дверь, ведущую в маленькую комнату, из которой слуга с господином попали на каменную винтовую лестницу. Виктория обратила внимание на массивную дверь, ее при необходимости можно будет укрепить толстым дубовым брусом и запереть на железные засовы, перекрывая доступ с лестницы в жилые помещения. В случае нападения на донжон это даст преимущество обороняющимся. Потому что выбить такую дверь, находясь в помещении три на три метра, весьма проблематично. Правда, и защитники попадали в ловушку.

— Берт, напомни, сколько этажей в донжоне? — поинтересовался конт, когда они спускались вниз.

Половину слов пришлось показывать знаками, все же словарный запас был пока невелик. Хорошо, что часть слов звучала схоже с чешскими, чем Виктория беззастенчиво пользовалась, выясняя таким образом у Берта значение того или иного слова.

— Подвал с колодцем и тюрьмой, потом хозяйственный этаж, там располагается и казарма стражи, на втором хозяйские спальни, на третьем гостевые комнаты, а выше никто не живет, — начал загибать пальцы Берт. — Туда в случае нападения Рэй лучников ставит.

Они вышли на улицу. Конт с удовольствием втянул прохладный, пахнущий солью воздух. Небо только начало светлеть, везде лежали тени, слегка разгоняемые неров-

ным светом факелов. Через распахнутые ворота во двор въезжали груженные телеги. Со всех сторон раздавались крики, ржание, вой тау, свистели кнуты, скрипели колеса, и над всей этой какофонией летел чистый голос петуха, поющего гимн новому дню.

— Телеги на задний двор! Лошадей в загон! Рабов запереть в сарае! Да пошевеливайтесь, духовское отродье, чтоб вас Вадий прибрал!

— Кто видел братьев Искореняющих? Их наш ксен разыскивает!

— Куда прешь?

— Разворачивай, разворачивай!

— Поторапливайтесь, выскребыши темного!

— Где капитан? Сколько подати брать с купцов за проезд?

Да уж. Весело. Виктория с любопытством осмотрелась. Ого! Да это целая деревня за высокими стенами. Большая территория была отгорожена массивной крепостной стеной, упирающейся в нависающие над замком отвесные скалы. Сам замок представлял собой квадратный донжон, возле которого они сейчас стояли, и пристроенное к нему двухэтажное здание. Над крепостной стеной, недалеко от ворот, возносились ввысь темная сторожевая башня, на десятки метров возвышавшаяся над остальными строениями. Выложенный камнями двор сейчас напоминал суетливую базарную площадь. Вдоль скал располагались хозяйственные постройки, загоны для скота, каменные дома различной высоты, покрытые рыжей черепицей. От одного из них плыл щекочущий ноздри запах свежего хлеба. Все добротное, без излишков, построено основательно и надолго. Чуть в стороне, в окружении роскошного цветника, видного даже в предрассветном полумраке, гордо сверкал остроконечной крышей небольшой круглый дом. Храм. Интересно, Взывающий там и спит?

— Доброе утро, кир Алан, — раздался за спиной вкрадчивый голос ксена.

«Помяни черта», — подумала Виктория, медленно поворачиваясь к улыбающемуся мужчине. Что-то он сегодня слишком добр, это явно неспроста.

— Доброе утро, брат Взывающий. Как спалось, кошмары не беспокоили?

— Вы не снились, — не удержался от ответной шпильки ксен. — С обозом следуют Искореняющие, я взял на себя смелость пригласить братьев к утренней трапезе.